Макс Барсуков

Диагноз: существо иного порядка

18+

Макс Барсуков

Диагноз: существо иного порядка

https://litres.ru/74887157
SelfPub; 2026

Аннотация

Скорая, больница — места, куда никому не хочется попасть...

В эту ночь Кира и Артём, молодая жизнерадостная пара, оказывается в переполненном приёмном отделении.

Киру скручивает от боли, и молодые люди даже не представляют, через что им предстоит пройти в этой старой, потрёпанной больнице.

Ужасы, необъяснимые явления, тайные организации, секреты — читайте в «Диагноз: существо иного порядка».

Содержание

Глава 1 4
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Макс Барсуков
Диагноз: существо иного порядка

Глава 1

Кира была сама не своя. Она уже десять раз пожалела о том, что пожаловалась своему парню, Артёму, на сильные боли в животе. Но откуда она могла знать, что он возьмёт и вызовет скорую, вместо того чтобы просто погладить и пожалеть?

Ночь выдалась сырой и зябкой. Дождь не лил стеной, а моросил, оседая на стёклах мелкими холодными каплями. Фары машины выхватывали из темноты лишь узкие полосы мокрого асфальта. Это была их первая поездка на скорой, и оба были напуганы. Обоим хотелось домой, но фельдшеры не переставая засыпали девушку вопросами о самочувствии и симптомах, пока машина с мигалками быстро и уверенно продиралась сквозь ночной мрак городских улиц.

Артём сидел неподвижно, разглядывая убранство машины, и гадал, в какую больницу их везут.

— Кира, скажи ещё раз: где именно болит? — спокойно, но настойчиво спросил фельдшер. — Опиши боль: острая,

тупая, колющая? И когда началось — сразу после ужина или раньше?

Кира поморщилась, будто само слово «боль» причиняло ей дискомфорт.

— Сначала просто тянуло… как перед месячными, только сильнее. А потом стало как будто стягивать всё внутри. Я думала, пройдёт, если полежу. Но когда попыталась встать… мне показалось, что ноги подкашиваются.

Фельдшер кивнул, делая пометки, и тут же переключился на следующий вопрос:

— Тошнота была? Рвота? Температура? Что ела сегодня?

Она прикрыла глаза, пытаясь вспомнить не столько детали, сколько последовательность дня, которая теперь казалась такой далекой и чужой, будто это происходило не с ней.

— Тошнило немного. Температуры не было. Ела… обычный обед, ничего странного. Суп, бутерброд. Вечером только чай.

***

Машина резко вильнула, затормозила, и двери распахнулись. Внутрь тут же ворвался сырой ночной воздух, смешанный с запахом больницы.

Фельдшер хотел помочь девушке вылезти из машины, но Кира отмахнулась: ей вообще казалось, что зря они с Артёмом сюда приехали — не такая уж и сильная была эта боль.

Больница в тусклом свете фонарей выглядела отталкивающей и даже пугающей. Облупившаяся краска, разбитая

лестница — всё это говорило о том, что здание порядком потрёпанное. Из-за этого больница казалась не местом спасения, а чем-то, где всё заканчивается и обрывается.

В приёмном отделении пахло сыростью, пылью и лекарствами, буквально въевшимися в стены. За стойкой сидела медсестра с усталым лицом и пустыми глазами. Она быстро записала данные, не поднимая взгляда, и махнула рукой в сторону коридора:

— Кровь — в 101-й кабинет, мочу туда же, потом на УЗИ — в 109-й. Всё ясно?

Молодые люди лишь кивнули, желая поскорее оказаться подальше от «приветливой» медсестры, и сели в очередь.

Коридор гудел — этот гул рождался из сотен мелких звуков: хриплого кашля, невнятного бормотания, тяжёлого шарканья, резких матерных выкриков, от которых хотелось вжаться в стену.

Больных было много: они сидели на старых лавках, а некоторые и на полу, привалившись к облупленным стенам. Их лица казались серыми в тусклом больничном свете, будто сама больница высасывала из них жизненные силы.

Рядом с Кирой и Артёмом присел мужчина с разбитой губой и мутным взглядом; он то и дело встряхивал головой, будто пытался прогнать наваждение, пока внезапно не уставился на Киру так пристально, что у неё похолодели руки.

— Ты тоже чувствуешь? — прошептал он, наклоняясь ближе. — Тут стены дышат. Слышишь? Они шепчут… име-

на.

Артём резко подвинулся, закрывая Киру плечом.

— У тебя проблемы? Чего тебе? — тихо, но твёрдо сказал он.

Мужчина лишь ехидно улыбнулся и продолжил сидеть, мотая головой в разные стороны.

В другом конце коридора двое мужчин о чём-то спорили: голоса их становились всё громче, слова сливались в грубую, злобную скороговорку. Один из них замахал руками, и в воздухе повисло напряжение. Крупный санитар в мятом халате лениво шагнул между ними и рявкнул что-то неразборчивое, спор тут же затих, но напряжение так и осталось.

Неподалёку сидела женщина в грязной куртке, раскачиваясь взад-вперёд и тихо напевая себе под нос обрывок мелодии — то ли колыбельную, то ли молитву. В её широко раскрытых глазах читался ужас.

Кира вцепилась в руку Артёма, стараясь не смотреть по сторонам, но взгляд настойчиво цеплялся за детали: за трясущиеся руки старика, который всё пытался что-то сказать; за парня с синяками на лице, уставившегося в одну точку; за женщину, которая вдруг резко подняла голову и уставилась в темноту коридора — туда, где свет ламп не мог пробиться сквозь мрак.

— Тут не лечат, — снова пробормотал мужчина с разбитой губой, теперь уже не обращаясь ни к кому конкретно. — Тут только ждут.

Кира закрыла глаза, пытаясь отгородиться от этого места, но от звуков спрятаться было невозможно: чей-то сдавленный стон, резкий смех, похожий на карканье, скрип тележки где-то в глубине коридора.

И вдруг над всем этим хаосом прорезался голос — холодный и бесстрастный:

— 101-й кабинет! Кровь! Следующий!

Артём потянул Киру за руку:

— Пойдём. Надо просто пройти эти кабинеты. Это обычная больница. Просто… потрёпанная.

Но даже он сам не верил в эти слова: в этом коридоре «обычного, нормального» не было ничего.

Кира с трудом поднялась — ноги будто налились свинцом, в животе снова что-то туго стянуло. Она вцепилась в локоть Артёма, в поисках дополнительной опоры.

— Всё нормально, — произнёс он, явно потерянным голосом, — просто сдадим анализы, потом УЗИ… и всё прояснится, уверен, ничего страшного.

Они шагнули к дверям 101-го кабинета.

В кабинете пахло спиртом и старыми, застоявшимися реагентами. Внутри за столом сидел лаборант в потёртом халате; он даже не взглянул на них, только кивнул на стул:

— Садитесь. Руку на подлокотник. Сжимайте, разжимайте кулак.

Кира послушно вытянула руку, но пальцы предательски дрожали. Лаборант ловко накинул жгут, провёл по венам хо-

лодным пальцем и воткнул иглу. Кира слегка поморщилась. Эта боль была понятной, привычной, почти утешительной по сравнению с той, что стягивала живот.

Пока кровь текла в пробирку, лаборант поднял глаза — и, внимательно посмотрев на Киру, произнёс:

— Ты бледная, голова не кружится?

— Не то чтобы… — прошептала она. — Просто когда встала, потемнело в глазах. На секунду. Это от нервов, обстановка у вас тут, честно говоря…

Лаборант хмыкнул, будто услышал именно то, что и ожидал, и, ничего не объясняя, сделал пометку в карточке.

— Дальше — сдайте мочу, вот вам баночка, потом на УЗИ. И не задерживайтесь в коридоре. Тут… не лучшее место, чтобы ждать.

Артём хотел спросить, что он имеет в виду, но лаборант уже отвернулся, занятый пробирками.

Когда они вышли обратно в коридор, тот стал ещё темнее. Свет ламп теперь казался не тусклым, а каким-то болезненно жёлтым, словно саму больницу лихорадило. Мужчина с разбитой губой всё ещё сидел на прежнем месте. Увидев Киру, он приподнялся.

— Чувствуешь? — прошептал он, глядя не на Киру, а куда-то сквозь неё. — Они уже близко. Те, кто ходит между палатами, когда свет гаснет.

Артём резко шагнул вперёд, загораживая Киру.

— Замолчи, — твёрдо сказал он. — Просто замолчи.

Мужчина не слушал. Он снова откинулся к стене и тихо захихикал.

В этот момент из глубины коридора донёсся новый звук — не стон, не крик, а что-то среднее: протяжный, тягучий вздох, от которого волосы на затылке встали дыбом. И следом — шаги. Тяжёлые, неторопливые.

Переглянувшись, Кира и Артём поспешили к небольшой двери с облупившейся табличкой «Туалет». Внутри было тесно, пахло хлоркой, а тусклая лампочка мигала, доживая свои дни.

Артём остался у двери, стараясь не смотреть внутрь, но и не отпускать Киру из виду.

— Если что, я тут, — сказал он, но в его голосе было всё меньше уверенности. — Просто сделай, что надо, и выходи.

Кира взяла контейнер, пальцы дрожали так, что она боялась уронить его на пол. Закрыв дверь и сделав всё, что требовалось, девушка на секунду прикрыла глаза. Ей хотелось просто оказаться где-нибудь в другом месте — на своей кухне, где пахнет чаем и ванилью, а не торчать в больнице с её сыростью и затхлостью.

Когда Кира вышла, Артём тут же шагнул к ней, боясь, что она вот-вот упадёт.

— Всё? — спросил он, забирая у неё контейнер. — Сейчас отнесём…

Он направился к неприметной двери чуть дальше по коридору. За маленьким окошком сидела женщина в очках с

толстыми стёклами. Она смотрела на них так, будто видела сотни таких пар — испуганных, сбитых с толку, не понимающих, что с ними происходит.

— Контейнер, направление, — коротко сказала она.

Артём положил всё на металлическую полку, а женщина быстро, почти механически, проверила этикетку, поставила штамп, что-то записала в потрёпанном журнале.

— Ждите вызова на УЗИ, — с этими словами, она снова уткнулась в бумаги.

Обратно по коридору молодые люди шли быстрее, почти бегом. Кира заметила, что мужчина с разбитой губой исчез. На его месте сидела пожилая женщина с перебинтованной рукой — она смотрела на Киру и качала головой, будто хотела что-то сказать, но не решалась. В дальнем конце коридора, там, куда практически не падал свет от ламп, мелькнула тень — быстрая, угловатая, будто кто-то скользнул за угол, не желая быть замеченным. Кира замерла, вцепившись в рукав Артёма.

— Ты видел? — прошептала она. — Там… кто-то был.

Артём проследил за её взглядом, но в полумраке ничего не разглядел.

— Тут полно людей, — тихо сказал он, стараясь звучать уверенно. — Тени, сквозняк… Это просто больница. Старая, страшная, но обычная. Мы просто сдаём анализы. Скоро всё закончится.

Они подошли к дверям 109-го кабинета и сели на лавку,

стараясь держаться как можно ближе друг к другу. Из динамика над дверью раздался металлический, дребезжащий голос:

— Кира Семёнова, кабинет 109. Проходите.

Артём поднялся первым, протянул руку Кире.

— Пойдём, — сказал он. — Сейчас со всем разберёмся.

Девушка встала, чувствуя, как земля уходит из-под ног, но всё же нашла в себе силы зайти в кабинет.

Внутри свет горел ярче, чем в коридоре, но он не рассеивал тьму — он выхватывал из неё отдельные, самые важные детали: металлическую поверхность аппарата, холодный край кушетки, светящийся синим монитор, оставляя в темноте остальную часть кабинета.

За аппаратом сидела женщина в белом халате. Её лицо казалось странно, неестественно гладким. Она не стала смотреть на направление, не посмотрела даже на Киру — её взгляд скользил по комнате, будто она к чему-то прислушивалась.

— Ложитесь, — сказала она вполне нормальным голосом. — Задерите рубашку. Здесь нельзя терять время.

Кира легла. Тут же ощутив холод кушетки, девушка буквально ощутила, как металл тянул из неё тепло. Артём встал у изголовья, и лишь его тёплая рука, сжимавшая её пальцы, была последней опорой.

Врач выдавила холодный гель на живот Киры. Датчик коснулся кожи, а на экране аппарата возникли серые вол-

ны, складывающиеся в странные очертания. Женщина водила датчиком, щёлкала клавишами. Она выглядела так, будто пыталась расшифровать послание, написанное на чужом языке. Время от времени женщина замирала, вглядываясь в экран. Вдруг датчик резко остановился, а врач наклонилась к экрану так близко, что её отражение слилось с мерцающими линиями. В комнате стало тише, хотя и до этого момента, кроме гула прибора, не было никаких звуков.

Артём сжал руку Киры сильнее.

— Что вы видите? — спросил он практически шопотом.

Врач ответила не сразу. Она смотрела на экран так, словно боялась моргнуть. Потом медленно подняла глаза — и в этот момент Кире показалось, что в её взгляде мелькнуло не сочувствие и не тревога, а прозрение. Будто она видела это уже много раз и знала, чем всё закончится.

— Здесь есть… нечто, — наконец произнесла она, подбирая слова, будто каждое из них имело вес. — Не то, что должно быть. Контур нестабильный. Он меняется.

Кира почувствовала, как внутри всё сжалось, будто сама боль в животе стала чем-то живым, прислушивающимся к этим словам.

— Это опухоль? — прошептала она, жалобно и потерянно.

Женщина покачала головой, будто сама не знала точного ответа.

— Я не могу назвать это так. Это… не вписывается в при-

вычные критерии. Врач разберётся, я лишь описываю то, что вижу.

Она быстро напечатала несколько строк, распечатала заключение и протянула его Кире.

— Пройдите на седьмой этаж, найдите ординаторскую, там будет Борис Иванович, очень хороший, внимательный врач.

Женщина кивнула на дверь.

— Пойдём, чем быстрее разберёмся, тем лучше! А то нагнали какой-то жути, что ещё за меняющиеся контуры?! Тоже мне врач! — произнёс Артём.

После этого молодые люди вышли в шумный коридор.

— Зря ты так резко, что теперь о нас подумают.

— Но а чего она несёт, что нормально сказать нельзя?

Кира промолчала.

Они двинулись к лифту, крепко держась за руки. Споря, они совсем не обратили внимания, что в коридоре стало непривычно тихо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.